

ЭТОТ ДЕНЬ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ Семь мгновений победной весны

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, как мозаика на храме, складывается из самых тяжелых, трагичных, но по-настоящему прекрасных мгновений – судеб десятков миллионов людей.

Какой была война и какова цена победы – в этих семи жизненных историях жителей Курортного района. Многие из них уже шагнули в вечность.

БЕЛАЯ БЕСКОЗЫРКА

Любимой песней Павла Андреевича Кузьмина, многолетнего председателя Совета ветеранов Курортного района, все годы была «Бескозырка»:

Бескозырка моя, ты подруга моя боевая,
И в решительный час, и в решительный день
Лишь тебя, лишь тебя надеваю,
Как носили герои чуть-чуть набекрень.

Всю свою послевоенную жизнь Павел Андреевич мерил по «решительному часу», когда прокладывал путь по минным полям караванам с гуманитарной помощью Советскому Союзу в годы войны. Каждый час и каждый миг мог быть последним. Он и был последним для сотен других судов.

Закусив ленточки бескозырки, чтобы хоть немного защитить лицо от пронизывающего северного ветра, стоял на боевом посту моряк Павел

С юными футболистами у памятника Всеволоду Боброву

Кузьмин с первого и до последнего дня Великой Отечественной.

Павел Андреевич Кузьмин служил на тральщике на Северном Флоте. Трудно представить, сколько мужества и хладнокровия требовала эта служба.

Экипажи таких судов называли смертниками – ежесекундно жертвуя собой, они спасали миллионы людей.

После войны командир тральщика ни в какую не хотел отпускать Павла с флота. «Быть тебе, Паша, адмиралом», – говорил он.

Все, кто знал Кузьмина, никогда не сомневались, что так оно и было бы. На минных полях невозможно ошибиться в оценке человека, каждый виден как на ладони.

Но Павел Кузьмин, навсегда сохранив любовь к флоту, тем не менее, остался верен своей мечте. Он хотел быть учителем. И стал не просто учителем, он заменил отца многим сестроречским мальчишкам, воспитанникам ПТУ, чьи родные отцы погибли на войне. А потом, подчинившись приказу, стал партийным вожаком. И всегда оставался настоящим фронтовиком. Честным, справедливым, терпимым.

Образ фронтовика-победителя в воспоминаниях сестроречан навсегда связан с Павлом Андреевичем Кузьминым – человеком исключительной доброты и не менее исключительного железного характера.

Кто сказал, что у войны не женское лицо? Александра Васильевна Старченкова, коренная жительница поселка Песочный, дослужилась до командира танка.

А начиналось все как у всех. 22 июня 1941 г. поздно вечером принесли повестку. Ночью собирали дочь на фронт. Всю войну она вспоминала, как, провожая ее, на платформе стояли папа с мамой, сгорбленные, постаревшие. В тот же день она была направлена на Черную речку, где формировали 21 танковую дивизию, сначала военфельдшером, а в дальнейшем она попала в дивизионную разведку.

В составе 21 танковой дивизии участвовала в боях за Ленинград, потом их часть перекинули на Юго-Западный фронт. Очень запомнил-

СЕСТРИЧКА – КОМАНДИР ТАНКА

ся бой в районе Хопра. Медсестре было приказано сесть на последнюю машину, чтобы подбирать раненых, которые отстанут. Экипаж решил свернуть с шоссе и проехать слева по деревянному мосту, но машина застряла.

– Мужчины начали вытаскивать машину, а мне дали автомат и сказали: «Будешь отстреливаться».

Вдруг оказавшаяся около меня женщина крикнула: «Танки!». Я оглянулась – немецкий танк со свастикой нацелил на нас хобот пушки. Начал стрелять пулемет. Лейтенант, хватая меня за руку, крикнул: «Бежим!». Я побежала, солдаты на ходу забрали у меня сумку, а автомат передали лейтенанту.

Мы бежали вдоль реки по пашне. Краем глаза я видела, как из каждого дома поднимался дымок выстрела. Окраину города заняла пехота, и счастье наше, что на танке не было десанта. Я бегу, а меня подковой сзади окружили солдаты. Мне кричат: «Беги зигзагами!», и я бегу, как заяц, сердце готово вырваться из груди. Добежали до кустов, я как плюхнулась, так и не могла подняться. Лейтенант кричит: «Вставай!», а я мотаю головой, что не могу, умираю. Тогда он как крикнет на меня отборным

матом: «... вставай, тебе говорят». На меня еще никто так не ругался, и я, как одурелая, вскочила и, ломая кусты, помчалась. Добежали до реки.

Я прыгнула и поплыла, они за мной. К счастью, плавала я хорошо, но в обмундировании и сапогах трудно. Отдохнув минуту на спине, поплыла дальше. Берег крутой, глинистый, скользкий, у берега глубоко, а я очень устала. Несколько попыток выбраться из воды безрезультатны, соскальзывают руки. Я подняла голову: небо голубое, ярко светит солнце – так стало тяжело. «Мамочка родная, умираю», – воскликнула я. И вдруг увидела зеленую веточку, уцепилась за нее, выползла и даже помогла мужчинам. Мы побежали дальше и встретили своих. На второй день опять рядом немцы, снова бежим (мама мне писала потом, что в эти дни, 5-6 июня, она места себе не находила).

В Крыму наш полк участвовал в боях за Керчь, Симферополь, Феодосию, Севастополь и мыс Херсонес. Однажды, когда я возвращалась через пролив, отправив раненых в госпиталь, на барже увидела много офицеров и сразу поняла, что тут высокое начальство. Пролив страшно обстреливали. Один из них

спросил: «Это что за пигалица?». Козырнув, я ответила: «Военфельдшер 257 танкового полка Старченкова, отвозила раненых в госпиталь». Он спросил: «Страшно?» – Я ответила: «Конечно, страшно, но нужно». Ответ мой ему понравился. Оказалось, что это был главнокомандующий отдельной Приморской армии Еременко (он меня запомнил, и это потом сказалось на моей судьбе).

Я уже давно просила командира полка, чтобы он выделил мне легкий танк, на котором я могла бы передвигаться по полю боя, следовать за танками и быстрее эвакуировать раненых – ведь это очень важно при тяжелых ранениях. Он мне отказывал, говорил, что не имеет права.

Однажды к нам в часть приехал главнокомандующий Еременко. Он приказал устроить стрельбы. Это было как бы репетицией перед взятием хорошо укрепленных позиций. Стрельбой офицеров он был не совсем доволен. Я тут тоже была и упростила ребят дать мне стрельнуть. В танк я лазила постоянно и трогала все колесики и винтики, но не стреляла. Я навела пушку и выстрелила. Сама не ожидала, что смогу попасть прямо в мишень. Тут, конечно, был

фурур. Когда командующему доложили, что мишень сбила женщина-фельдшер, он захотел увидеть меня и... узнал.

Командир полка рассказал, что я прошу танк (видимо, я ему здорово надоела). Командующий, когда я ему объяснила причину моей просьбы, неожиданно согласился. Через несколько дней вышел приказ о назначении меня командиром легкого танка «МЗЛ» (как бронетранспортер). Таким образом, до конца войны он был в моем распоряжении вместе с экипажем.

Вот так воевала военфельдшер Старченкова. Старожилам Песочного запомнилось, как на несколько часов приезжала она в поселок, получив увольнительную с Ленинградского фронта. С собой военфельдшер привезла три буханки хлеба и поровну разделила ее на всех песоченцев. Каждому досталось по мизерному кусочку. А военфельдшер приговаривала: «Поодиночке пропадете. А будете помогать друг другу, держаться друг друга, никакой немец не страшен будет».

Александра Васильевна прожила долгую и славную жизнь и ушла от нас этой весной.

ГЛАВНЫЙ ШИФРОВАЛЬЩИК ГЕНШТАБА ЖИЛ В СЕСТРОРЕЦКЕ

Константина Константиновна Федорова, происходящего из семьи потомственных оружейников, хорошо знали старожилы Сестрорецка. В город своего детства он вернулся после Великой Отечественной и до самой своей смерти (1992 г.) вместе с женой жил тихой жизнью обыкновенного человека в обыкновенной квартире недалеко от кинотеатра «Курортный». Был председателем совета ветеранов Сестрорецкого райкома. Никто бы никогда и не подумал, что он знал многие тайны 20-го столетия. «Интеллигенция армии» – так до сих пор называют работников скрытого фронта.

Он знал, и не только в лицо, всех маршалов Победы. В его руках были многие секретные материалы Великой Отечественной. Они умерли вместе с ним.

В последние годы своей жизни Константин Константинович кое-что успел рассказать Николаю Андреевичу Шлиппенбаху, главному редактору газеты «Сестрорецкий инструментальщик».

А Николай Андреевич успел опубликовать воспоминания главного шифровальщика в 1988 году. Так что этим отрывком мы вспоминаем и нашего коллегу, которого сегодня уже нет с нами.

Про начало войны. «Наступил 1941 год. Весной к нам из многих мест стали поступать тревожные сообщения о том, что Германия стягивает войска к советским границам. Однако Сталин отшучивался: «Что ж, значит будет братание наших солдат с немецкими, ведь у нас с ними договор о ненападении». И действительно ведь «братались». За несколько дней до войны немецкий самолет-разведчик даже приземлился на аэродроме под Минском. Летчику была устроена самая теплая встреча буквально за день до войны. Дата ее начала – 22 июня – фигурировала в донесениях неоднократно. И что же было предпринято? Всех, приславших эти донесения, Берия приказал отозвать как провокаторов. Я видел резолюцию, написанную его рукой: «Стереть в лагерную пыль».

Говорят, что Сталин сам направил Жукова спасать Ленинград. Это не совсем так. Федорову довелось присутствовать при их разговоре. Г. В. Жуков в своих воспоминаниях, вышедших в брежневское время, ничего об этом не говорит. А это он настоял на том, чтобы Верховный главнокомандующий поручил ему командование Ленинградским фронтом. Сталин согласился не сразу, опасаясь потерять и Ленинград, и Москву.

– Вы понимаете, что это будет конец! – жестко выговаривал он. – Понимаете?

– Да, моральный фактор сбрасывать со счетов нельзя, – согласился Жуков. – Но практически от временного успеха немцев Москва кое в чем выигрывает. Продвигаясь, зачем им оккупываться, да и воды полно в окопах, а к зиме, когда мы соберем силы для ответного удара, посмотрим, как они будут вгрызаться в мерзлую землю. Поздно будет строить оборонительные сооружения. Не успеют под нашим стремительным натиском. А под Ленинградом именно сейчас надо нажать на фашистов, завтра будет поздно. Слишком близко враг подошел.

Федоров знал всех командующих фронтами. Кроме Г.К. Жукова и Б.М. Шапошникова, начальника Генштаба в начале войны, своими чисто человеческими качествами ему особенно

С самого начала войны фашистские дешифровальщики пытались прочесть перехваченные советские криптограммы, обработанные машинными шифрами. Но все их попытки были тщетны! Пленные специалисты дешифровальной службы рассказывали, что наши криптограммы были нечитаемы и с 1942 года больше не перехватывались.

На машинную шифросвязь в годы войны легла основная нагрузка при передаче секретных телеграмм. Только в 8-м Управлении РККА за период с 1941 по 1945 годы было обработано свыше 1,6 миллионов шифротелеграмм и кодограмм. Порой нагрузка на шифроработников 8-го Управления доходила до 1500 телеграмм в сутки.

Приказ Гитлера по вермахту от августа 1942 года гласил: «...кто возьмет в плен русского шифровальщика, либо захватит русскую шифровальную технику, будет награжден Железным крестом, отпуском на родину и обеспечен работой в Берлине, а после окончания войны – помещен в Крым». Приказ так и не был выполнен. К чести советских шифровальщиков, они были преданы своему делу! Высоко отзывались о работе шифровальщиков в годы войны наши прославленные полководцы – Жуков, Василевский, Тимошенко и многие другие.

импонирует маршал Рокоссовский. Он был перед вой-

Первый секретарь райкома В.М. Михайлов и К.К. Федоров. 1984 год.

ной репрессирован, отсидел в лагерях. Но это его не сломило. Он всегда разговаривал со Сталиным без трепета.

Штабист горел в танке. Какие только задания не приходилось выполнять начальнику первого отдела вось-

ривальная помощь требовалась частям, вышедшим из окружения, партизанским соединениям, стратегам, определяющим направление главного удара. Часто ее необходимо было оказывать непосредственно на местах сражений. Федоров горел в танке, в пробитой пулями шинели приземлялся на искореженном самолете, едва успев дотянуть до аэродрома. У него два ордена Красного Знамени – за Сталинградскую и Курскую битву. Сам Жуков прикрепил ему на грудь орден Ленина за Смоленскую операцию.

1945 год. К. К. Федоров командиром в штаб 1-й армии Войска Польского для оказания помощи по обеспечению шифровальной службы, так как польские шифры немцы разгадывали. Наши же фашистским шифровальщикам оказались не по зубам. И вот оценка помощи польским властям: за участие в разгроме группировки противника за рекой Одер Президиум Краевой рады награждает русского полковника Федорова орденом «Виртути-Милитари».

БЛОКАДНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Одним из важнейших факторов Победы была советская школа. Именно там воспитывались будущие герои фронта и тыла. Сегодняшние дедушки и бабушки поселка Песочный с большой любовью вспоминают Серафиму Ивановну Раханову, учительницу школы на ул. Лиденской (ныне Школьной). Человек жив, пока у него есть стремления и цели. Духовность, нравственность и коллективизм помогали людям всегда, помогли они выжить и блокадным детям.

Со старой фотографии смотрит красивое одухотворенное лицо. Серафима Ивановна – учитель русского языка и литературы – закончила институт им. Герцена перед самой войной.

Жила в Дибунах с 30-х годов. Училась в Дибунской школе. В 7-м классе она переболела брюшным тифом, пришлось распрощаться с косой. Ходила в шапке и на улице, и в школе. Сидела на задней парте, никуда не выходила. Однажды на уроке истории мальчик сдернул с нее шапку. «Я закричала что было мочи», – вспоминала позже Серафима Ивановна. Учительница же урезонила меня: «Чего кричишь? И правильно Леша тебе снял шапку!». Вот именно после такого случая Серафима Ивановна и решила стать учителем. Но таким педагогом, чтобы никогда не унижать учеников, любить их, уважать их человеческое достоинство.

Началась война. Муж 25 июня 1941 года ушел на

фронт. Осталась Серафима Ивановна одна с маленьким ребенком. Весной 1942 года прочитала у сельсовета объявление, что 24-й стрелковой дивизии требуются прачки (находилась часть за мостом по дороге на Сертолово).

Очень обрадовалась работе, так как было голодно, а ребенок постоянно просил еды. Пошла устраиваться на работу. Командир долго смотрел на нее с удивлением, а потом сказал: «Еще никогда не было у нас прачки с высшим образованием. Но теперь будет. Только приходи завтра со своим корытом». Так началась ее трудовая деятельность. Мыла не было, приходилось бросать золу, чтобы отстирать белье солдат. Норма – 25 пар солдатского белья в день. Руки все были содраны в кровь. Но знала, что сыну принесет краюшку хлеба. Командир попросил Серафиму Ивановну выпускать «Боевые листки».

Она добросовестно подбирала материал, и солдаты охотно читали их. Вела и учетную работу, где записывала сведения о составе и что за каждым числится. В августе 1942 года часть перебазировалась в другое место.

С осени 1942 года стала работать школа. Голодных, истощенных детей было очень жалко, им надо было дать шанс забыть муки голода. Школа стала дверью в другой мир, мир живых, далекий от страданий и смерти.

Серафима Ивановна сначала переживала, что у нее нет опыта, но быстро переборолла свои сомнения. Уроки в первое время проходили на втором этаже поселкового совета.

Любовь учительницы к своим детям преодолела все, даже спустя 68 лет дети помнят красивую, добрую и немного таинственную Серафиму Ивановну.

ЭТОТ ДЕНЬ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ

Семь мгновений победной весны

Окончание. Начало на стр. 4

ВСЕГДА НАЙДЕТСЯ ВРЕМЯ ДЛЯ ЛЮБВИ

В действующие войска призывались преимущественно люди молодые, и, несмотря на то что нередко на расстоянии выстрела поджидала смерть, жизнь брала свое. И романтика отношений в военное время приобретала особый смысл.

Свою историю про фронтовую молодость рассказала нам Мария Васильевна Ефимова, жительница Сестрорецка. Когда началась война, ей было 19 лет. Добровольцем она пошла на фронт, служила связисткой на Пулковских высотах.

«У меня были прямые волосы, и даже в войну я всегда делала себе завивку. Было лето 1942 года. Прибежала в парикмахерскую завить волосы, смотрю на часы: увольнительная заканчивается, боюсь не успеть. В соседнем кресле сидит молодой офицер и говорит мне: «Чего на часы смотришь? Не торопись, я тебя подвезу». Села я к нему в машину, он меня даже своим одеколоном побрызгал. Довез до части к командному пункту на улице Зайцева, возле Кировского завода. Я его поблагодарила и тут же забыла.

Прошло, наверное, с месяц. Мне дали задание проверить линию связи. Я взяла телефонный аппарат на плечо, в руке кабель. Иду по насыпи в белых носочках, в туфлях. Под гимнастеркой, вместо юбки, креп-жоржетовое платье черного цвета. Молодая, красивая. И слышу снизу из окопа знакомый голос: тот офицер, увидев меня, попросил разрешения проводить. Я засмузилась, стала отнекиваться. До сих пор помню слова песенки, которую он мне пропел тогда:

Когда любовь спугнешь,
Даже в шутку на минутку
Не воротись, не вернешь.

Проводил он меня и вернулся к себе, а я к себе. Даже имя его я не спросила.

Вернулась в свою часть, а наш командир дивизиона Корнеев уже рассказывает в шутку всем: «Стою я на вышке и вижу: наша связистка Крылова идет в газовом платье с офицером под ручку и целуется». Я покраснела как рак, не знала куда себя деть от стыда. Но дело молодое... Того офицера я больше не встречала, но помню его до сих пор...».

БОРТМЕХАНИК ЗНАМЕНИТОГО ПОЛЕТА

В 1941 году, после того как гитлеровцы вероломно напали на СССР, советские самолеты бомбили Берлин. Немцы многие годы думали, что тогда бомбовый удар по их столице совершили англичане.

Сегодня приоткрываются многие тайны Великой Отечественной.

В поселке Песочный все эти годы жил Дмитрий Дмитриевич Алексеев, коренной песоченец, участник еще финской войны. Бывший авиамеханик минно-торпедного полка морской авиации, мичман в отставке, умер в 2009 году в возрасте 93 лет. На глазах Дмитрия Алексеева и при его непосредственном участии с нуля создавалась материально-техническая база авиации.

ОН ГОТОВИЛ СОВЕТСКИЕ САМОЛЕТЫ К БОМБАРДИРОВКЕ БЕРЛИНА.

В августе 1941 года поступил приказ подготовить две эскадрильи, которые должны были нанести удар по Берлину. Немцы старались замкнуть кольцо блокады Ленинграда. Наш командующий состав решил организовать полет на Берлин в ответ на полет немцев на Москву. Для этого нужно было подготовить несколько десятков самолетов. В полку ощущался дефицит техники, так как из 60 самолетов в финскую потеряли 20. Да и самолеты были уже старые. Со всего полка набрали 15 самолетов, приступили к тщательной подготовке. Доставили новые моторы с аэродрома в Котлах. Ни один самолет не отпускали без бомб. Попутно сбросили часть смертоносного груза на надвигающиеся вражеские колонны. Первый полет на 15 самолетах 2-й эскадрильи был совершен в ночь с 7 на 8 августа 1941 года под руководством Евгения Николаевича Преображенского. Наши самолеты благополучно долетели до Берлина, сбросили бомбы и улетели назад. Прибыв на свой аэродром, летчики рассказывали, что Берлин сиял в огнях, и это было им «на руку». Немецкое командование утверждало потом, что эти бомбовые удары наносили английские летчики. Дмитрий Дмитриевич гордится, что ему довелось служить в одном полку с такими легендарными летчиками, как Евгений Николаевич Преображенский, Борис Фектистович Сафонов. Несмотря на высокие звания и большие заслуги, были они очень простыми и открытыми людьми.

За время службы Дмитрий Дмитриевич Алексеев работал на 20 марках самолетов, подготовил к вылету более 1000 самолетов. После войны участвовал в ядерных испытаниях на Новой Земле.

Про свою героическую жизнь он говорил скромно: «Горжусь, что служил своему Отечеству и внес небольшой вклад в Победу».

СЫН ПОЛКА – ПАРТИЗАН АЛИМОВ

«Им было всего лишь тринадцать, но были они ленинградцы» – слова этой песни можно напрямую отнести к жителю поселка Тарховка Анатолию Семеновичу Алимову.

Баржу, на которой в начале войны эвакуировалась через Ладогу на Большую землю его семья, разнесло бомбовым ударом. Незнакомые люди вытащили Толю из воды, зацепив багром за одежду. Отчаявшись найти родных, он увязался за группой солдат. Голодные и холодные, пробирались они

днем и ночью лесами Ленинградской, Новгородской, Псковской области. Иногда натыкались на немцев, сытых и хорошо вооруженных. В одной из деревень присоединились к партизанскому отряду. Так Толя стал партизаном.

Таких мальчишек немало было в годы войны. Поэтому он не вызывал подозрений. Малолетний оборванец с сумой на плече обходил окрестные деревни, села, железнодорожные станции, выпрашивал кусочки хлеба, а заодно примечал, где стоят немецкие гарнизоны, какова их численность, сколько военной техники. У маленького разведчика все было по-взрослому: была даже явочная квартира деда Костючка и даже своя «легенда». Дед выдавал Толю за своего родного внука, приехавшего погостить и

застигнутого войной. Время от времени ночью в деревню являлись партизанские посланцы и давали Толе очередные задания. Однажды его схватили эстонские солдаты, состоящие на регулярной воинской службе в вермахте, но не смогли уличить в помощи партизанам и заставили разгрузить вагоны с хлебом. До отвала тогда наелся вечно голодный подросток!

Партизанская война окончилась для Толи в марте 1944 года, а потом он вернулся в Ленинград, где в 1948 году нашел маму и обеих сестричек.

Анатолий Алимов закончил Военно-механический институт, стал инженером и дослужился до главного технолога научно-производственного объединения.

Подготовила Лариса Голубева.

Редакция выражает благодарность за предоставленные материалы краеведческим центрам библиотеки имени Зощенко и библиотеки поселка Песочный, а также лично Раисе Николаевне Гараевой и Любови Федоровне Бронзовой.